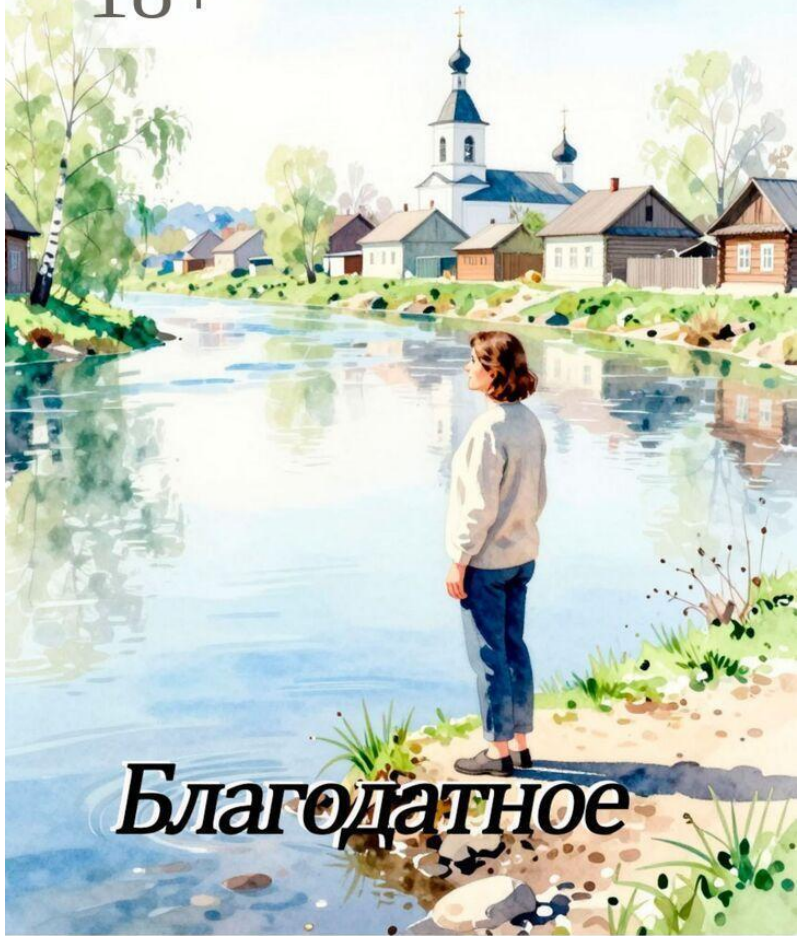

18+

Ольга Усачева

Благодатное

Ольга Усачева

Благодатное

<https://litres.ru/74275034>

ISBN 9785007068192

Аннотация

«Благодатное» — это не просто село. Это состояние души. Роман о женщине, которая боялась быть счастливой, — и о любви, которая ждала её двадцать пять лет. О том, как не поздно начать сначала, о русской деревне, которая живёт своей жизнью. И о женщине, которая нашла себя, когда перестала бояться. Эта книга — как весенний разлив: вода уйдёт, а благодать останется.

Содержание

Глава 2. Доктор от Бога	12
Глава 3. Женщина «Эконом-класса»	28
Глава 4. Встреча через 25 лет	42
Глава 5. Люди тонут, а вы веселитесь	52
Глава 6 Пробуждение	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Благодатное

Ольга Усачева

© Ольга Усачева, 2026

ISBN 978-5-0070-6819-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. В деревне конца света не боятся

Нина стояла на краю своего огорода и спокойно смотрела на большую воду, что разлилась от края и до края. «Море-море, мир бездонный!» крутилась в голове старая песня Антонова. Да, их мелководная речка в этом году учудила — разлилась после ледохода как море, а в берега возвращаться и не собиралась.

Весь апрель жителей района пугали СМСками, что идет большая вода, «спасайся, кто может». Многие из их Благодатного побросали своё жильё и уехали пережидать паводок на большой земле. А Нина осталась. Как это она бросит дом свой, огород? Вот еще! Не конец света, переживем.

Нине вроде и переживать не надо было сильно. Они тут в Благодатном, как на острове живут, их село высоко над рекой стоит, вода не дойдет. Но душа болела за других. Брат Андрей и мама в соседнем селе Ворошилово живут, там од-

ну улицу уже затопило. Пока что до дома брата вода не дошла, но никакой гарантии нет, что этого не случится. Сколько Нина его с мамой к себе ни звала — ни в какую, Андрей уперся и говорит, что никуда не поедет, будет дома паводок пережидать.

Нинин брат не один такой «упертый» оказался. Каждый день из подтопляемых сел людей эвакуируют, СМС всем на телефон приходит, чтобы были готовы, собирали вещи и документы, а люди из домов не выходят.

Некоторые хитрые сначала ехали в пункты временного размещения, отмечались там, чтобы штрафа за отказ от эвакуации избежать, а потом тихонько к себе домой возвращались. Во дворах вода, а дома-то повыше — в них можно жить. Уж лучше из двора на лодке выплывать, и в болтониках ходить, чем дом бросать, говорят они.

Их понять можно — жалко без присмотра оставлять то, что наживалось всю жизнь. А вдруг мародеры? Уже случаи были, что оставленные дома вскрывали и все ценное из них выносили. Да и скотину не хочется в общий загон вести — кто за ней там присмотрит?

Нина брата понимала. Если бы Благодатное топило, она бы тоже из дома никуда не уехала. А у Андрея там дом, мастерская, козы. Как бросишь? Но, всё же, Нина за брата сильно переживала.

Нина поставила очередную палочку на стыке воды и земли, чтобы отметить, до какого места дошел паводок. В пя-

ти метрах от края торчали несколько её меток, какие-то уже были не видны под водой. Ну, ничего, до дома вода точно не дойдет, а картофельное поле нынче пусть отдохнет — маленького огорода хватит для посадки овощей, с голоду зимой не помрет.

Нина заметила, что она даже сильно не переживает из-за наводнения. Жизнь-то продолжается. Да и вообще деревенские жители всегда готовы к любым катаклизмам, к любому концу света. Что только за жизнь Нины не случилось: родилась в Советском Союзе, была пионером, видела перестройку. Когда ей было пятнадцать лет, страна развалилась. Потом голодные 90е, капитализм в 2000х. А последние годы вообще веселуха.

А уж сколько на её памяти случалось «концов света»! В 1999 году — обещали приход Антихриста. В тот год как раз какая-то комета пролетала, панику навела. В 2000 году все ждали Миллениум, обнуление всех компьютеров и восстание машин. А в 2012 — должен был быть самый шумевший конец света по календарю Майя. И ничего — все живы-здоровы! А после всех этих «концов света» даже морально ко всему готовые. Главное не падать духом и руки к делу применить. А дел в деревне всегда хватает. Эти дела и от голода спасут и от тоски.

Несмотря на наводнение, жила Нина, как у Христа за пазухой. Дом её вода обошла, многие дома в селе Благодатное жилые остались, есть с кем пообщаться. Продукты у Нины

не переводились. Всегда свежие яйца, молоко, творог, сметанка. Мяса, правда, сейчас не было — из морозилки все зимние запасы пришлось достать, потому что электричества уже неделю как отключили из-за наводнения. Но Нина и тут нашла выход из положения, чтобы запасы не пропали, она из мяса тушенки наварила, на лето как раз хватит. Тушенку варила в бане, там еще при стройке бывший муж поставил такую печку с варочной плитой, чтобы летом можно было варить-парить и дома жар не разводить. Дома, конечно, тоже печка была, и пока еще ранняя весна, ее каждый день топить приходилось, и на ней же готовить. В общем, в деревне и без электричества прожить можно.

Мелькнула мысль: «Так, телефон уже три дня лежал незаряженный — вот это плохо. Дочка будет волноваться, еще того гляди в гости приедет, мужа заставит, чтобы по „морю“ ее на лодке привез. Надо где-то сегодня телефон зарядить? У Михалыча кажется был генератор».

А по магазинам Нина не скучала. Она свои запасы регулярно проверяла. Овощей еще полно с прошлого года, закуток всяких. А без выпечки она как-то уже и привыкла жить, как развелась с мужем и дочка в город уехала, так и питаться стала по-простому: картошка, капуста, немного мяса. Утром яйца, творог — что еще её надо? Сейчас вот и рыбка пошла — на лодке выплывешь в «море» и лови, сколь хочешь. С большой водой и рыба обновилась, зашла щука, окунь, лещ. А то одни караси в речушке раньше были. Хотя

какая-то польза от наводнения.

А жить Нине даже в паводок никогда не скучно. Каждый день на работу, а чуть подсохнет, так и огород начнется. Раз картофельное поле залило, то надо будет каждый клочок земли обработать да самое важное посадить.

А вечерами можно вязать, шить или читать. Нина как-то купила хороший фонарь, который от солнца заряжать можно, и вот при свете этого фонаря и читала. Только недолго, потому что по деревенской привычке спать ложилась рано, как стемнеет, и вставала утром рано с петухами. Так и жила...

Нина не только много работала, но и много думала, философствовала, сопоставлял факты. Дед рассказывал, что некоторые деревни в СССР во времена Войны и перестройки жили, как у Христа за пазухой. Ничего у них годами не менялось и политические изменения в стране их не касались.

Как-то Нине попался юмористический рассказ о глухой деревне, в которой про настоящий Апокалипсис жители той деревни только через год узнали. Весь мир погиб от неизвестной чумы, а в этом медвежьем углу про это и слыхом не слыхивали. Только через год жители поняли, что дело неладно. В города ходить не стали от греха подальше и решили век свой доживать в три двора. Благо все продукты свои! Молоко, мясо, овощи, зерно. Даже мёд для бражки. А чего не жить? У них, в общем-то, всё осталось по-прежнему!

Нина рассуждала, что это все потому, что в деревнях на

каком-то глубинном уровне всегда готовы к концу света. Это наша национальная черта такая. Конца света ждали, высматривали первые признаки, готовились по всем правилам. Верили в пророчества. А всё потому, что Иоанн Богослов, описавший в Откровении свои видения Конца, не указал точной даты. Шутник!

В общем, в деревнях всегда готовы к апокалипсису! Запас продуктов в погребе есть. В случае чего, там и ядерный взрыв пересидеть можно. Ружье у многих в доме имеется, почти все охотники в деревне. А навыки для выживания в экстремальных условиях каждый деревенский житель знает. Ну, а если дома пересидеть БП не получится, можно и в леса податься. Там никакая чума, никакие зомби не достанут, не стоит и беспокоиться.

Вот и Нина не беспокоилась не о чем. Как жила, так и жить продолжает. Она припомнила, что следующий апокалипсис вроде ждать надо в 2029 году. Говорят, опять какой-то астероид должен пройти очень близко от земли, и может даже в неё врезаться.

Нина усмехнулась своим мыслям, еще раз посмотрела на «море» и пошла домой. День только начинается. Сначала курочкам корму задать, козу подоить, потом себе завтрак приготовить, а там и на работу пора идти.

И так каждый день, год за годом. Нина не жаловалась, ей нравилась её жизнь. Пусть она живет в селе, где не происходит больших событий, где и сходить-то некуда. Но ведь ра-

дость можно найти в любом месте, где бы ты ни жил: в детях, в работе, в природе. Особенно когда живешь в таком удивительном месте, как Благодатное!

Нина родилась и выросла в этом селе. И где бы она ни была, ей казалось, что лучше и краше Благодатного нет. Большое село уютно устроилось в петле небольшой речушки, вокруг березовые рощи и сосновый бор, недалеко от села два минеральных лечебных озера, где летом отдыхали жители окрестных сел и деревень, и даже из города люди приезжали отдохнуть и полечиться. В самом Благодатном было всё, что нужно для жизни: школа, детский сад, ФАП и даже свой Дом культуры — настоящий островок творчества для жителей села.

Нина работала в сельской администрации социальным работником. Работа тяжелая, но благодарная, уважаемая.

Сейчас, в паводок, и у неё прибавилось хлопот — стариков нужно было обходить, проверить, у кого еда есть, у кого лекарства, а кто просто боится и ждёт, что Нина придёт и скажет, что всё будет хорошо.

Каждый день она посещала своих подопечных — старичков, которые доживали свой век без родных, детей и подростков из неблагополучных семей. Нина знала каждого жителя села, его радости и печали. Знала, что Зоя Петровна, которой исполнилось в этом году 93 года, была когда-то трактористкой, и даже сейчас не может спокойно пройти мимо сельхозтехники. Что Фёдор Михалыч — бывший директор

школы, и для него нет больше радости, чем послушать истории о современных учениках. Нина знала, что Петька Возьмилов, хоть и привлекался в комитет по делам несовершеннолетних за хулиганство, на самом деле добрейший парнишка — к нему можно обратиться за любой помощью.

И так со всеми — люди для Нины не делились на плохих и хороших. Все они были для неё родными, каждый со своей историей, прошлым, и желательно с хорошим будущим. А в этом она им обязательно поможет.

Вот только у неё самой этого хорошего будущего, как Нина считала, уже не предвидится. Ну, чего ей ждать от судьбы, если она почти пятидесятилетняя деревенская баба в разводе, без особой красоты и с букетом возрастных болячек. Только и остается, что «доживать» свой век да радоваться редким приездам дочери Маринки с внуком Мишкой.

И как бы не сложилась жизнь Нины, она не унывала. Потоп, одиночество — это не повод сложить лапки и ползти в направлении кладбища. Ведь вокруг такая благодать! Весна!

Глава 2. Доктор от Бога

Электричество в Благодатном восстановили как-то неожиданно. Видимо, паводок отошел от линии передач. Целый день электрики возились на столбах вдоль дороги, и к вечеру окна домов в Благодатном осветились теплым долгожданным огоньком. Но первая радость сменилась для Нины суетой и миллионом неотложных дел. На следующее же утро телефон Нины разрывался от звонков начальства из райцентра.

— Нина Витальевна, я вам на почту отправила запрос на оформление группы волонтеров для устранения последствий паводка. К вечеру жду отчет.

— Нина Витальевна, пройдитесь по селу, напишите список необходимых продуктов и помощи для пострадавших от наводнения....

В первый момент рука Нины потянулась к ноутбуку, написать отчет на электронную почту, но она сама себя одернула. Вот уже третий день она лежала пластом с температурой — всё-таки умудрилась промочить ноги в своём «болоте». Она уже успела сходить в ФАП и оформить больничный, но начальство, видимо, это всерьез не воспринимало.

— Извините, Ольга Егоровна, я на больничном. У вас должно было быть оповещение. У меня сейчас нет никаких сил, чтобы писать отчеты и бегать по улицам.

— Ну, я же вас не заставляю бежать по селу и искать волонтеров. Позвоните им, пусть сами пройдут, всё запишут. А пока вы дома отдыхаете, вот и напишите этот список. У вас же есть кандидаты.

Злость и раздражение волной окатило Нину. Не дают спокойно отлежаться. Хотелось высказаться во всех красках, что она думает о директоре районного ДК и всей их организации, но она ответила холодно и вежливо.

— Нет, Ольга Егоровна. Я не буду заниматься работой на больничном. Сделаю всё, когда выйду.

И выключила телефон. Не просто нажала на отбой, а выключила совсем, чтоб больше не слушать звонки и оповещения из рабочего чата.

«Умереть спокойно не дают! Тьфу-тьфу, надеюсь, до этого не дойдет. А ведь если это случится, то мир же не рухнет? Как же я устала! Пусть сами разбираются».

Нине было реально плохо. Три дня держалась температура, кости ломило. Хорошо, что вчера был выходной у всех, и её не доставали по работе, а сегодня с самого утра звонки и сообщения.

Хотя, вчера тоже не получилось спокойно лежать. Забежала соседка Вера, просила одолжить муки, пока она в город не могла съездить. Да и работу по хозяйству никто не отменял — кур накормить, козу подоить, кошке Серафиме и той нужно внимание — она все ластилась к Нине и просила то выпустить из дома, то снова запустить.

Обычно мягкая и сдержанная, Нина к вечеру взорвалась от усталости и болезни. Потом разревелась и уползла в комнату. Всю ночь ворочалась, и только к утру забылась тяжелым сном.

Проснулась утром с тяжелой головой. Дома тихо, непривычно. Вокруг неё всегда была какая-то суета, шум, дела. А теперь ничего...

Пару часов Нина наслаждалась этой тишиной. И болезнь уже не казалась такой противной, дышать стало легче, температура спала. Но Нина понимала — это обманчивое впечатление. И ей еще пару дней точно нужно побыть на больничном до полного выздоровления.

А потом пришли зудящие мысли: «Как же скуууучно! У меня там дел куча, а я бездельничаю. На работе нужно отчеты сделать, 9 мая на носу. В огороде прибрать надо, грядки разметить. В город съездить надо по новому проекту. А я просто лежу, и нет сил даже в туалет сходить. Обидно!»

Она хотела книгу почитать или кино посмотреть, но глаза слезились и болела голова. Оставалось только смотреть на складки ткани на покрывале, или разглядывать фигуры диковинных зверей в трещинах на потолке. Когда, единственное, что ты можешь — это часами смотреть в один квадрат метр на метр, то мир предстаёт перед тобой совершенно с другой стороны. Остаешься сам с собой наедине со своими мыслями. А они кружатся, кружатся, их очень много.

Нина понимала, что это жжжж не спроста. Что болезнь,

пришедшая так некстати (а когда это она бывает кстати?) она была ей нужна, чтобы остановиться. Вспомнились строки о сильных русских женщинах: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Так и она, везде на передовой, всегда в работе, в заботах. И, кажется, сил хватит на всё, давайте, нагружайте, я справлюсь.

Ан нет! Энергии на всё не хватает. Сначала пришли звоночки в виде вечерней усталости, потом поднялось давление и пересекло спину. Тут бы остановиться, отдышаться, отдохнуть. Но «кони все скажут и скажут, а избы горят и горят»...

И Вселенная сказала: «Ну, раз сама остановиться не можешь — ннна тебе такую возможность! Не хочешь — заставим!» Ведь в наше время больничный — практически единственный легитимный способ нормально отдохнуть.

Нина знала, что не умеет отдыхать. С детства слышала от родных поговорки: «Делу время — потехе час», «Бестолковый отдых утомляет хуже работы» и прочее. Отдых неосознанно воспринимался для неё как пустая трата времени и отрыв от «настоящих дел».

А вот к болезням отношение другое. Болезни — это святое. Можно и полежать, и фильмы пересмотреть, которые давно собирался, и про работу официально не думать, и получать заслуженную порцию бережного внимания и заботы близких.

Правда, где она — эта забота? С мужем уже четыре года как рассталась. Дочь выросла и уехала в город. Как бы Нина

не говорила, что справляется со всем сама, а она тоже хочет на ручки, чтобы о ней позаботились, чтобы никто не дергал вопросами и делами.

Вот такие мысли кружились в голове у Нины. Она с трудом встала, налила себе чай, посмотрела в окно. На столбике забора, нагретом солнцем, лежала Серафима. Она расслабленно свесила роскошный хвост и лапки, шурилась от солнечного лучика и источала состояние глубокой неги и спокойствия.

Рядом прыгали шумные воробьи, подбирая крошки из пыли, но кошка даже ухом на них не вела. Вот как надо отдыхать! Просто лежать, быть здесь и сейчас, не отвлекаясь на суету.

Вернувшись в постель, Нина представила себя этой кошкой. Просто лежала, смотрела на красивые узоры на шторах, ловила рукой пылинки, танцующие в солнечном луче. Мысли никуда не уходили, но их уже можно было разложить по папочкам: «домашние хлопоты», «работа», «сожаления о прошлом», «страх будущего», «дочка»... Внешне ничего в мире не изменилось, но на душе у Нины стало спокойно. Дело шло к ночи, пора ложиться спать. Может хоть сегодня получится уснуть...

Три часа ночи. Нина точно знала, сколько времени, но не потому, что только что проверила часы, нет — она просто знала: всё начинается в три часа ночи. Она понимала, что

не спит уже много часов и не уснет, похоже, никогда. Это её личный ночной кошмар, ведь она женщина, которая разучилась спать.

Три часа ночи — «Час Дьявола» называют это время. Еще «Час волка». Но не всё ли равно, как называют, и так понятно, что ничего хорошего в это время не происходит...

Нина снова начала думать о всякой ерунде, о мистике, всяких кошмарах. А всё потому, что знала, что больше не уснёт. Это выматывало...

Сейчас она будет лежать и пялиться в темноту до самого утра. И знать, что больше не уснёт. Завтра снова будет весь день ходить с красными глазами, засыпать на ходу.

В эти бессонные часы Нина часто вспоминала рассказ Чехова, называется «Спать хочется». Жуткий рассказ, если честно. Это трагическая история жизни крепостной девочки Варьки. Ее мать прислуживает в господском доме, отец умер, Варька нянчится с хозяйским младенцем и выполняет работу по дому. Нам, современным людям, понятно, что у Варьки хроническая усталость. Весь день она чистит картошку, моет полы, топит печь, а ночью качает люльку с ребенком. Варька все делает в полудреме, ей снятся короткие кошмарные сны, что-то постоянно мерещится. Она путает сон с реальностью. Младенец кричит и не дает ей спать. Однажды Варька понимает, что он ее главный враг. Если не будет этого ребенка, она сможет поспать. Девочка душит младенца и засыпает на полу мертвецким сном с улыбкой на губах...

«Бррр, ужас какой! Бедный ребенок. А я-то чего не сплю? У меня всё нормально в жизни, весна, дома всё хорошо, наводнение отступает, с дочкой хорошие отношения. Так почему я не могу спать?»

Нина все делала, чтобы спать нормально. Не пересиживала допоздна, ложилась в постель в десять часов вечера. Обычно немного читала, затем гасила свет, ворочалась некоторое время, пытаюсь найти более комфортную зону на кровати, и у неё даже получалось уснуть.

До 3х часов. И вот тут начиналось хождение по мукам... Сначала она просто лежала, ожидая, что вернется сон. Затем переворачивала подушку в надежде, что более холодная сторона поможет ей забыться, затем меняла пижаму, пытаюсь уснуть в разных позах: сидя, поджав колени и, в наиболее абсурдные моменты, даже стоя. Могла сходить в туалет или на кухню.

Самое обидное, что в юности она вообще не знала, что такое бессонница. Еще смеялась над дедом, который каждый день в четыре утра просыпался. Ей тогда казалось, что это проблема древних стариков. А вот поди ж ты — ей сорок семь, а Нина с бессонницей уже и не борется, она с ней смирилась.

Есть такая шутка: «У вас стресс? Вас мучают тревожность, бессонница, депрессия? Отработайте одну смену грузчиком. Тревожность как рукой снимет, и вы будете спать без задних ног»

Так вот — ерунда это! Пробовала Нина так делать и не раз. Упахивалась в огороде до дрожащих рук и ног, а потом просто лежала всю ночь, пялилась в потолок, а сон не шел.

Да, блин! Она даже одно время принимала снотворное. И спала всю ночь, но ощущения после такого сна были хуже, чем после бессонницы. Поэтому от таблеток Нина отказалась.

Нина лежала и думала, что как бы она не отмахивалась от бессонницы, но к врачу ей сходить надо. Не дело это жить как зомби. Да, и что греха таить, не только бессонница её мучила, а к своим сорока семи годам Нина намотала уже целый букет болячек: высокое давление, боль в спине и в суставах, постоянный насморк. Каким бы «живчиком» она не была, а возраст берет своё...

— Дай тебе Бог здоровья, дочка! Если бы не ты, куда бы мы бежали? Ты же у нас самый лучший доктор на всю округу, даже в город поликлинику ехать не надо.

— Да что вы, Зоя Петровна, доктор у нас Яна Васильевна, а я просто акушерка.

— Нет уж, Оксана, ты себя-то не принижай. Яна твоя без году неделя в медпункте работает, мелкая еще, чтобы доктором зваться. А ты от Бога призвание имеешь, рука у тебя лёгкая, голова светлая, каждую болячку нашу знаешь, лучше ученых докторов.

Нина сидела в коридоре в сельском ФАПе и наблюдала

знакомую картину. Хоть Оксана — акушерка в ФАПе и спорила со старушкой, но в чем-то Зоя Петровна права — пусть Оксана не имеет образования врача, но знает и умеет побольше некоторых терапевтов из районной поликлиники. А уж сколько сельских фельдшеров прошло мимо Оксаны, пока та работала в маленьком медпункте, Нина и со счета сбилась. Никто долго в селе не задерживался, не выдерживал такого ритма работы, когда ты один специалист на три села, когда тебя ночью могут поднять и вызвать к больному, когда тебе прохода не дают на улице — любой может подойти и о своей болячке спросить. Вот и переходили сельские специалисты в городские больницы или вообще бросали медицину, потому что это оказалось трудной профессией.

Нина сама родилась и выросла в Благодатном, и Оксана была её одноклассницей и подругой со школы. И Нина знала, что Оксана всю жизнь хотела быть врачом, лечить людей, облегчать из страдания. Это желание у нее появилось еще в пять лет, когда заболела ее любимая бабушка. Жили они тогда в другой деревне, и в ней даже маленького медпункта не было. В город автобус ходил два раза в неделю, в больницу не наездишься. А бабушка часто болела, давление, сахарный диабет — как ни берегись, какое-нибудь обострение и случится. Так потихоньку бабушка зачахла и умерла, а маленькая Оксана сильно переживала и дала себе слово, что когда вырастет, то станет врачом, чтобы она могла сразу всех лечить и чтобы её родные никогда не болели.

Всё бы получилось у Оксаны — упорства ей было не занимать, только деревенское образование подвело. В их школе не было учителя биологии и химии, и до девятого класса Оксана практически не изучала эти предметы. Десятый и одиннадцатый класс Оксана доучивалась в Благодатном, куда она переехала с семьёй, но так и не смогла догнать сверстников по биологии и химии. В общем, поступить в медицинский ВУЗ она не смогла, не сдала вступительные экзамены. Был вариант пойти в медицинское училище на акушерку, а в будущем можно было бы и в ВУЗ пойти доучиться на терапевта или фельдшера. Так Оксана и сделала.

В медучилище Оксана была одной из лучших, помимо образования акушерки она прошла курсы медицинской сестры. Преподаватели ее хвалили, говорили, что у нее лёгкая рука и аналитический ум настоящего врача, прочили ей успешную медицинскую карьеру. На производственную практику Оксана пошла в родной сельский медпункт.

Нина помнила радость Оксаны, что она в родном селе могла помогать людям, которых знала с детства. Она и женщин осматривала, и детей наблюдала, и уколы могла поставить легко и безболезненно. Постепенно односельчане стали приходить в медпункт именно к ней, а не к постоянному фельдшеру.

— У тебя, Оксана рука лёгкая. Укол поставишь, даже не почувствуешь. А еще глянь, чего у меня тут, может, посоветуешь какое лекарство пропить.

Как ни отнекивалась Оксана, что она не специалист, все равно односельчане обращались к ней: звонили, просто так приходили, спрашивали ее совета. И, закончив медучилище, она так и осталась в родном медпункте работать. К тому времени она действительно уже набрала большой практический опыт, а благодаря своему пытливому уму и крепкой памяти, могла диагностировать простые болезни. Часто старый фельдшер Максим Андреевич давал ей заполнять документы, карточки больных, а порой и оставлял ее за себя, когда уезжал в соседние деревни на прием. Он же учил ее тому, чему не обучили Оксану в медицинском училище — в работе сельского доктора много своих тонкостей и особенностей. Настоящий курс молодого бойца получился.

Поступить в ВУЗ Оксана не успела — выскочила замуж за такого же сельского парня. Жили они с Юрой хорошо, и через год у них родилась старшая дочка — теперь точно было не до учебы.

В декрете Оксана долго не сидела, как в садик дочку взяли, снова вернулась в медпункт. А там уже другой фельдшер — Максим Андреевич вышел на пенсию, а вместо него пришла молодая девушка Марина, только из института. Опыта работы никакого, и пришлось Оксане обучать Марину особенностям работы в сельском медпункте. Здесь же как — не только осмотреть больного и назначить лечение — сельский люд в медпункт ходит для общения, для настроения, чтобы новости последние узнать, чтобы дома не сидеть. Вот Оксана

и знакомила односельчан с молодой фельдшерницей.

Хотела она всё-таки поступить в медицинский ВУЗ, но тут всё село встало — не отпустим! На кого ты нас бросишь аж на семь лет? Кто нас лечить будет, не молоденькая же Маринка без опыта? И муж тоже от этой идеи не в восторге — если будет Оксана учиться, то как же ребенок, хозяйство?

Нина знала, что Оксана переживала, что мечту свою так и не получилось осуществить, а потом подумала, что она, действительно, на своём месте и не надо ей дальше учиться, чтобы односельчан лечить. Можно сказать, ее мечта осуществилась, а кому много дается, с того и спрос больше. Денег ей больших не надо за ее работу — муж хорошо зарабатывает, да и работает она не за деньги, а за совесть.

Так и осталась Оксана в сельском медпункте простой акушеркой и медсестрой. За двадцать лет, что она здесь работала, много чего поменялось — старый медпункт закрыли, зато построили новый ФАП, на место Марины приходили еще три фельдшера, но все равно главней здесь была Оксана. Последняя фельдшерица Яна Васильевна совсем молоденькая, больные на неё жаловались, мол, не знает ничего «жертва ЕГЭ», слово доброго не скажет, все бумажки заполняет. А Оксана всем говорила: — Ничего, и ее выучим! Вы только Яну не обижайте, девочка хорошая. Вырастим своего доктора, не всегда же я с вами буду...

Из задумчивости Нину вывел оклик Оксаны.

— Нина, заходи! Ты ко мне или к Яне?

Нина иронично хмыкнула.

— Конечно, к тебе. Не буду уж Яну беспокоить своими старческими болячками.

Оксана засмеялась, прикрыв дверь в кабинет фельдшера.

— Ты чего это, подруга, на себя наговариваешь? Какие еще старческие у тебя болячки? Вон какая кобыла здоровая. Тебя же палкой не перешибешь!

Нина встала с лавочки, почувствовав укол боли в пояснице и только обреченно махнула рукой.

— Ты же знаешь, Оксан, что я попусту жаловаться не буду. Что-то правда, сдала я в последнее время.

— Ну, давай тогда, посмотрим, что у тебя.

В маленьком кабинете акушерки было тепло и уютно. Оксана любила цветы, и на подоконнике стояли горшки с геранью и орхидеями. На стенах висели благодарственные грамоты и фото малышей, которых вела Оксана.

— Так, Нин, что случилось? — Оксана с искренним беспокойством посмотрела на подругу.

Нина тяжело вздохнула и выложила, как на духу: бессонница, тяжесть в ногах, боли в спине и в суставах, высокое давление.

— И что обидно, Оксан, огород пора сажать, а у меня руки болят. Лопату в руках не могу держать. Ночью лежу, а суставы аж огнём горят. Оттого и не сплю, наверное.

Оксана взяла тонометр, измерила давление. Потом подняла глаза на Нину.

— Нин, ты чего молчала-то? У тебя ж давление 160 на 110! Я же помню, что у тебя всю жизнь низкое было. Так, давай я скорую вызову!

Нина дернулась.

— Нет, Оксана, какая скорая?! Сейчас домой приду, отлежусь, всё пройдет. Ты мне только лекарство какое выпиши, или пусть Яна, как главная, выпишет. Некогда болеть, работы невпроворот.

Оксана что-то записала на бланке. Но вид у неё был недовольный.

— В общем, так, подруга. Я тебе тут написала, что купить надо, Яна сейчас подпишет. Но это не дело — тебе отдых нужен. Бабульки твои без тебя не пропадут, а вот ты загноёшься. Давай я у тебя еще кровь на анализы возьму, дня через два результаты будут. И направление тебе к терапевту в город выписала. Ты чего это вздумала в 47 уже разваливаться? Мы же собирались с тобой на пенсии в путешествия ездить. Как я без тебя?

Нина благодарно смотрела на подругу. Уж Оксана-то не даст ей умереть спокойно. Хорошо, что она есть.

Оксана взяла у Нины кровь на анализ, отложила пробирку и хитро посмотрела на подругу.

— Я вот что думаю, Нин, мужика тебе надо! Ты же у нас еще красотка, а заживо себя хоронишь. Сколько лет прошло, как вы с Алексеем разошлись? Четыре? А ты в бабки записалась. Давай-ка, выше нос! Мы тебя подлечим, принарядим

и замуж выдадим. Еще и ляльку себе родишь.

Нина только отмахнулась.

— Какие женихи, Оксан? Мне же уже под полтинник. Так доживать буду. У меня Маринка в городе, с внуком водиться буду. А то еще ляльку рожу, люди засмеют.

— Ну и пусть засмеют. Люди дураки, сами не живут и другим завидуют. Я ж не шучу, Нин, вижу, что одиноко тебе. Оттого и болячки все прилипают. Всё же из головы. Ты хоть и не переживаешь, виду не показываешь, но одной тяжело.

— Нет, глупости это всё. Была у меня одна великая любовь с мужем. И где она сейчас? Всё прошло, как с белых яблонь дым. Алексей меня первые годы может и любил, а потом жили, как соседи под одной крышей. Влюбляться и жениться по молодости надо, а сейчас уже только внуков нянчить.

Оксана вздохнула.

— Ты меня не переубедишь. Я-то знаю, что любовь бывает. Мы же как с Юркой хорошо живем. Иногда даже не верится, что так бывает. А вот бывает. Уже двадцать пять лет вместе, и я без него жизни не представляю, и он с меня пылинки сдувает. Судьба это. И у тебя тоже где-то судьба ходит, ищет тебя, а ты от неё отмахиваешься

— Это тебе повезло, Оксан. Я за тебя рада, честное слово! Только где мне эту судьбу высматривать? В Благодатном у нас и мужиков-то холостых нет. А с женатым, ты же знаешь, я крутить не буду.

— И не надо в деревне искать. Город рядом. Ты бы хоть выезжала почаще. В парк бы ходила, на концерты, в театр. Ой, да что я тебя учу?! Судьба придет и на печке найдет. Иногда её просто подтолкнуть надо.

Нина замолчала. Да разве одна об этом не думала? Разве не ревела в подушку о доле своей непутёвой? Конечно, хотелось ей любви и заботы и крепкое мужское плечё рядом. Но вот не умела она знакомиться и флиртовать. Да и возраст уже не тот — не шешнадцать...

Оксана еще что-то написала на отдельном бланке.

— Вот тебе еще направление на ЛФК в городской тренажерный зал. Там по субботам собирается группа. Ведет занятие моя старая знакомая Кристина. Ей так же, как и нам, за сорок. По молодости мастер спорта была, потом травма. Она начала заниматься лечебной физкультурой, себя на ноги поставила, и занятия теперь ведет. Как раз для тебя подойдет — у кого проблемы со спиной, с суставами, с давлением. Походи, посмотри, хуже не будет. А там взбодрись и, как знать, может встретишь кого...

Глава 3. Женщина «Эконом-класса»

Нина перевернула весь шкаф в надежде найти что-то приличное для похода в тренажерный зал. Как говорится — шкаф битком, а надеть нечего. Нина с грустью рассматривала вещи, которые хранила зачем-то годами и почти не надевала. Всё какое-то убогое, старушечье. Линялые халаты, мешковатые кофты, платья с пестрым узором «прощай молодость». Нашлись и пара спортивных костюмов, но в них стыдно даже в огород выйти — вороны испугаются.

Н-да! Дочка была права — Нина — женщина «эконом-класса», которая всю жизнь на себе экономит.

Нина вспомнила, как в прошлом году осенью она так же внимательно рассматривала свои зимние сапоги и прикидывала, хватит ли ей их еще на одну зиму: «Если замок в мастерской заменить да набойки новые, то и зиму обману»

Она старательно не замечала заломы на голенище, стоптанные подошвы и ободранные носки. Зиму проносить еще можно, а на новые сапоги денег жалко. Может быть, на будущий год купит.

За этим занятием Нину застала дочь Марина, которая приехала в гости на выходные.

— Мам! Только не говори, что ты до сих пор не выкинула

это убожество. Этим сапогам же лет тридцать, наверное.

— Всё бы вам выбрасывать! Сапоги хорошие, натуральная кожа — им сносу нет. Это же фирмаА, мне их тётка твоя, Валя отдала. Покупала для себя в Москве, да носить не смогла. А я ношу и радуюсь. Ну и что, что потертые, ходить же можно. Зиму как-нибудь обману.

— Вот так мама ты всю жизнь зиму и обманываешь, ходишь в старье. А потом лето обманываешь — ходишь в одном и том же платье лет сорок.

— А перед кем мне красоваться? На работу к бабушкам ходить и так сойдет, а деньги на другое важней. Не привыкла я обновки себе каждый сезон покупать. Это ты у нас разбалованная выросла, совсем экономить не умеешь.

— Мам, так я и зарабатываю хорошо. Зачем экономить на себе? Если тебе денег не хватает, так давай мы с Пашей подкинем. Или давай лучше с тобой по магазинам сходим, я тебе всё к зиме куплю: и сапоги, и пуховик новый. А то, наверное, так и будешь в старом своём пальто «зиму обманывать», знаю я тебя.

Нина только было открыла рот, чтобы отказаться идти за обновками, как дочь ей сказала.

— Ты только не обижайся, но мне порой стыдно за тебя. Ты же не нищенствуешь, почему ты такая? Мне где-то попала фраза «женщина эконом-класса» — вот это ты и есть. Обновки у тебя в гардеробе появляются очень редко. Да и то, только в том случае, когда старая одежда пришла в негод-

ность. Вещи ты берешь самые дешевые, лишь бы свою функцию выполняли и чтобы были «в пир, в мир и добры люди». Труссы и то годами одни и те же носишь, пока на тряпочки не развалятся. И даже потом их не выбросишь, а оставляешь вместо тряпки.

— А чего, хорошие же тряпочки, хэбэшные, мягкие. Не покупать же тряпки.

— О том и говорю, что у тебя экономия уже какая-то болезненная. И ладно бы, ты деньги копила на что-то большое, ты ведь их разматываешь на других. Мне в детстве постоянно что-то покупала, полный шкаф игрушек и платьев был. Я уж молчу про папу — у него каких только удочек и всякой снасти для рыбалки не было. И инструменты он покупал дорогие в мастерскую, не экономил на них. А это всё же не копейку стоит, я знаю. Да на одну циркулярную пилу можно было пару нормальных сапог тебе купить.

Нина тогда от слов дочери вся сжалась, а на глазах выступили слёзы. Марина это увидела и села рядом с мамой на ковер, глядя ее ласково по плечу.

— Мамочка, не плачь. Я ж не хотела тебя обидеть. Просто сама подумай, зачем ты так себя обделяешь? Ты же и других побуждаешь не обращать внимания на тебя. Все уже и привыкли, что тебе никогда ничего не надо. У папы, наверное, стимула не было чем-то тебя порадовать, что-то тебе купить. Ты же сама возмущалась. А потом и оставалась ни с чем.

Нина уже не скрывала слёз, и Марина принесла ей из кух-

ни валерьянку.

Когда Нина успокоилась, она начала говорить, и как будто прорвало дамбу, столько было в ее словах грусти и сожаления.

— Наверное, ты права, доча. Я всегда жутко экономила на себе. Всегда убеждала себя: «Я смогу без этого. Есть расходы гораздо важнее». Это ведь из детства так пошло. Жили мы очень бедно, донашивали друг за другом, зиму обманивали. Папа рано умер, и мама меня с братом растила одна, очень редко мы себе что-то покупали. У нас заведено было откладывать деньги на «черный день», отказывая себе в любых удовольствиях и считая их излишествами. Брали только самое необходимое. А «черный день» он регулярно случался: то крыша обвалится, то половодьем огород зальет.

Я когда в старших классах была, мама сильно заболела, и на нее всё отложенное ушло. Я помню, что как раз перед этим хотела себе плащ купить, а потом уже и не на что было. И с тех пор у меня страх и чувство вины какое-то. Боюсь, что если сегодня потрачу деньги на себя, то завтра семья окажется без средств к существованию. И виноватой в этом буду я. Знаю, что дурость, но ничего не могу с этим поделать.

Потом в институте отучилась, пошла работать и все равно экономила на себе. Когда вышла замуж, то замечала, что какой-то кусок мяса лучше отдам мужу или еще что-то. Родилась ты — купили машину, а я еще больше стала экономить, хотя денег нам хватало.

Марина внимательно слушала маму, а потом сказала — Помнишь у Чехова есть фраза «Нужно по капле выдавливать из себя раба»? Так вот, мама, будем из тебя по капле выдавливать эту жертвенность и «эконом-женщину». Ты же у меня еще молодая, не надо себя в старухи записывать. Пойми, что у тебя только одна жизнь. Другой не будет. Ты и так всю жизнь «зиму обманывала», а оставшиеся зимы пролетят очень быстро. Может, ты уже будешь жизнь жить, а не обманывать?

Тогда они с дочкой прошлись по магазинам, купили и сапоги новые, и пуховик. Но Нина по привычке их берегла, зимой в старой шубейке бегала, а сапоги только пару раз надевала в город на совещания. Хоть Маринка и пыталась из неё выжать эту экономность, но Нина больше ничего не покупала для себя, ходила в том, что хранилось в шкафах.

И вот настал день, когда ей понадобился спортивный костюм, а его нет. Первой мыслью Нины было плюнуть на всю эту затею и вообще не ходить ни в какой тренажерный зал. Но она вспомнила Оксану и её настойчивые рекомендации заняться ЛФК. Мол, и спина меньше болеть будет, и давление нормализуется.

«Да сколько же я на себе экономить-то буду? Права дочь — жизнь одна и другой не будет! Пожить еще хочется, внука вырастить, а не скрипеть, как телега несмазанная».

Она решительно собрала все тряпки, которые стыдно было показать людям, и положила их в мусорные пакеты. Пора

что-то менять в жизни. Сколько можно страдать после развода?

Она вынесла мешки с одеждой в мусорный контейнер. На душе стало легче.

«Поеду в город, первым делом куплю новый спортивный костюм и кроссовки, а потом пойду в тренажерный зал. Пусть Оксанка говорит, что я красотка — врёт, конечно. Но хоть как человек, а не пугало буду!»

В магазине Нина чувствовала себя потерянной. Выбор её просто ошеломил — спортивные костюмы всех цветов радуги, из плотной трикотажной ткани. Явно носятся они в обlipку — какие-то леггинсы и маечки. Нет, ей такой костюм категорически брать нельзя. Ей бы что-нибудь попросторнее, чтобы скрыть большую деревенскую грудь и живот.

К ней подошла девушка-консультант.

— Вам помочь?

Нина, робея, проямлила.

— Мне бы что-то для занятий лечебной физкультурой. Желательно свободные штаны и кофту.

Девушка оценивающе и как-то презрительно осмотрела фигуру Нины.

— Ну, не знаю! У нас больших размеров обычно не бывает. Но я сейчас посмотрю в запасах. Где-то были костюмы, как вы просите.

Она скрылась в дальнем углу магазина, а Нина стояла пун-

цовая от стыда. Ей хотелось провалиться сквозь землю. Теперь она вспомнила, почему редко ходит по магазинам. Не только из экономии, а вот из-за этого отношения продавцов. Они в ней сразу видели сельскую бабу и вели себя с ней надменно.

Нина хотела сбежать из магазина, чтобы прекратить это мучение, но в этот момент девушка вернулась, неся в руках спортивный костюм голубого цвета. Нина в панике сглотнула слюну: «Голубой! Маркий!»

Девушка еще раз посмотрела на Нину, потом на бирку с размером.

— Вот, померьте. Размер 50—52. Мне кажется, вам подойдет. И цвет идеально к вашим глазам.

Эта последняя фраза заставила Нину замереть. Да, глаза у неё — это самое красивое, что было в ней. Небесно-голубого цвета в обрамлении длинных ресниц.

Она как под гипнозом взяла костюм в руки и сразу почувствовала, какая у него приятная ткань. Лёгкая, почти невесомая.

Девушка привела её в примерочную.

— Примерьте. Если не подойдет, там еще размеры есть. Я и забыла, что у нас эта партия костюмов лежит.

Нина задернула шторку примерочной, сняла свои черные штаны и кофту и осталась в одном белье. Грустное зрелище. Душераздирающее зрелище. Кошмар! Живот нависал над плавками рыхлым тестом, грудь не умещалась в бюстгальтере.

ре. Яркий свет лампы освещал бледную кожу и растяжки. Ну, хоть бедра в порядке. Нина была из той породы женщин, фигуру которых можно назвать «перевернутый треугольник» — массивный верх и поджарый низ. Из-за этого она всегда воспринимала себя такой бабищей, годной только для крестьянской работы.

Тяжело вздохнув, Нина решила. Надела штаны — они сели, как влитые, даже немного свободно в бедрах. Высокая посадка скрыла выпирающий живот. Резинка была мягкая и не тугая, не передавливала её телеса.

Вдохновленная этим открытием, Нина надела кофту и почувствовала, как нежная ткань обняла её спину, руки, грудь. Она, не глядя в зеркало, застегнулась и только тогда посмотрела на себя.

Из зеркала на неё смотрела вполне симпатичная женщина. Голубой цвет оттенял кожу, и она казалась свежее, щёки будто покрылись здоровым румянцем. А глаза! Они просто засияли.

Покрой кофты идеально скрыл тяжелую грудь и руки, ткань будто струилась по плечам, уравнивая низ и верх. Брюки сидели идеально и были нужной длины, что для Нины было редкостью — она всегда подшивала все покупные брюки и джинсы. Что поделать, раз Бог длинных ног не дал. А тут всё было сшито как на неё.

Из-за шторы послышался голос девушки.

— Женщина, как вам? Подошел костюм? Или я другой

размер принесу?

Нина ответила, удивляясь своему уверенному голосу.

— Всё замечательно!

И вышла в зал, чтобы продемонстрировать.

Девушка, увидев её, ахнула.

— Ой! Вам так идёт! — и это звучало искренне.

Нина еще отошла от зеркала, покрутилась. Она даже представить не могла, что может выглядеть хорошо в спортивном костюме. Она привыкла носить строгие юбки и блузки, а на обход к подопечным ходила в удобных штанах и кофтах.

— Я беру!

До первого занятия в тренажерном зале оставалось еще два часа. Нина шла по городу, как на крыльях. Она там же в магазине переделалась в этот костюм и новые кроссовки, и сейчас ей казалось, что она скинула как минимум десять лет. Свою деревенскую одежду она сложила в пакет и выбросила в первую же мусорку. Она сама не могла объяснить себе, почему так поступила, одежда была еще приличная. Но что-то изменилось в Нине. Она сердцем почувствовала, что всё — больше она не хочет быть женщиной «эконом-класса». Она решила, что хочет полностью обновить свой гардероб. Для себя. И чтобы дочери не было стыдно за неё.

Нина шла по улице, оглядывая прохожих, примечая, как одеваются женщины. Раньше она так не делала, а сейчас стало интересно. И она заметила, что по-настоящему нарядных

и ухоженных женщин мало. В основном все они были одеты примерно, как и она одевалась: серые платья, балахонистые кофты, джинсы. Молодые девушки еще неплохо и молодежно одеты, а вот тётки за сорок серые и неприметные.

«Не хочу так больше! Да, не красавица, толстая, но можно же и поярче одеваться»

И тут она увидела своё отражение в витрине. Сначала она даже не узнала себя, показалось, что это какая-то незнакомая женщина — яркая, статная, с прямой спиной. Нина остановилась и еще раз посмотрела на себя. Хороша!

Вот только волосы... Эта гулька на макушке совсем не подходила для её нового образа.

Нина всегда носила длинные волосы. Не ходила в парикмахерскую, не стригла и не красила волосы. По молодости у неё была толстая коса, а с возрастом волосы поредели, стали выпадывать. Но она упорно не стригла свою «косу». Закручивала гульку на макушке или собирала в хвост.

Сейчас, глядя на свою причёску, Нина вспомнила анекдот: «У одной девочки на голове росли всего три волосинки. Собралась она идти на дискотеку, решила сделать себе причёску. „Заплету косичку“ — решила девочка. Только начала плести косичку из трех волосин, выпала одна. „Ну, ничего — сделаю хвостик“. Только стала собирать две волосинки в хвостик, как еще одна волосинка выпала. „Ай, ладно — пойду с распущенными“ решила девочка».

Нина всегда мечтала иметь густые, роскошные длинные

волосы. Как у мамы. У той была коса толщиной в мужскую руку цвета спелого каштана. А когда мама распускала свою косу, то волосы покрывалом могли укрыть ее до пояса.

Наверное, в память о маме она и хранила свои «три волосины». Не стриглась и не красилась. Правда, у мамы от рождения цвет волос был насыщенный, темно-каштановый, а Нине достался цвет пепельно-русый, как у папы, что еще больше подчеркивало сейчас печальную картину.

А может она помнила свой неудачный опыт из детства, когда после экзаменов у неё от стресса стали пучками стали выпадать. Тогда мама, не скрывая слёзы, подстригла Нину под мальчика. Другого выхода они не видела, ведь волосы висели реденькими сосульками, как у столетней старухи.

Как ни странно, короткая стрижка тогда Нине понравилась. Было удобно мыть и сушить волосы, стало легко голове, и не нужно было заплетать каждый день в школу косичку. Вот только обзывательства со стороны одноклассников её расстраивали. «Фу, тифозница! Больная! Лысая!»

Нина плакалась маме в плечо, говоря, что больше никогда в школу не пойдет, а мама ее утешала: «Ничего, Ниночка, потерпи. Волосы — не зубы, скоро вырастут».

За три года Нина снова отрастила свою косу и больше никогда не стриглась.

Сейчас же что-то щёлкнуло. Ноги Нины завернули в первую же парикмахерскую. «Гулять, так гулять!» в какой-то эйфории решила она.

Парикмахерская называлась «Бьюти-стайл». В салоне играла красивая музыка, пахло чем-то необычно парфюмерным, и после майской жары Нине показалось, что она попала в прохладный оазис.

К ней вышла молодая женщина в фартуке парикмахера. Нина в первую минуту засмузилась. Наверное же надо по записи приходить, а не так как она, с улицы.

— Чем вам помочь? — спросила женщина.

— Извините, что я без записи. Я просто шла и вдруг подумала, что срочно хочу сделать стрижку.

Женщина улыбнулась.

— Сегодня определенно ваш день! Мне только что позвонила моя клиентка и отменила стрижку и покраску. И вот теперь два часа у меня освободились.

Нина почувствовала дрожь внутри. Это действительно знак судьбы. Теперь уже обратной дороги нет.

— Проходите, садитесь в кресло. — защелкала мастер. — Меня, кстати, Алина зовут. День какой хороший! — женщина уже накинула покрывало на Нину, подняла кресло — Что будем делать?

Нина еще раз осмотрела себя в большом зеркале и выпалила.

— А, да. Меня Нина зовут. Знаете, я никогда не была в парикмахерской, никогда не стриглась. Всю жизнь с этой гулькой хожу. Что бы вы не сделали, хуже уже не будет!

Алина с удивлением посмотрела на Нину. Распустила ей

волосы, осмотрела со всех сторон.

— Нина, у вас замечательные волосы. Длинные. Мало кто решается такие состригать. Вы уверены, что хотите сделать стрижку?

— Да! Надо что-то менять в жизни.

— Ну что ж, я вижу, что вы настроены решительно. И я уже вижу, что вам подойдет. А давайте сюрприз? Вы мне уже доверились, а я хороший мастер. Мне тоже иногда хочется сотворить чудо.

Нина кивнула, соглашаясь. И началось волшебство.

Алина заранее отвернула Нину от зеркала, чтобы раньше времени не показывать, что получается. Она расчесала волосы Нины, распределила на пряди и начала колдовать.

Когда Алина поработала ножницами и на пол полетели первые пряди, у Нины сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Было страшно и волнующе: «Хуже уже не будет» решила для себя она.

А Алина порхала вокруг Нины, как фея вокруг Золушки.

— Поиграемся с цветом? Красить по-настоящему не будем, я только нанесу оттеночный бальзам во время мытья. — спросила Алина, и Нина согласилась.

После мытья и тонирования волос Алина взялась за укладку. В процессе она объясняла, что и как делает, и Нина поняла, что справится с этой процедурой и дома, надо будет только потренироваться.

И вот наступил момент, когда Нину повернули к зеркалу.

В первый момент ей показалось, что это не зеркало, а экран, на котором показывают незнакомую шикарную женщину. Но всё-таки это была она. Ее лицо обрамляла роскошная прическа типа каре. Волосы объемными волнами ложились на лоб и виски. А цвет! Густой, насыщенный и блестящий, похожий на тёмный шоколад.

Нина не могла говорить от шока. Всё плыло перед глазами от слёз счастья.

— Ну, вот! Вы просто красотка! Вы сейчас похожи на Зендаю или Джессику Альбу, не находите?

— Спасибо! — только и смогла выдохнуть Нина.

А Алина ей хитро подмигнула.

— Знаете, мне очень интересно, как воспримут ваш новый образ друзья и близкие. Вы заходите ко мне в гости, расскажете. И это будет лучшая благодарность.

Нина не шла, а летела! Казалось, что у нее на ногах выросли пружинки, и каждый шаг как будто подбрасывал ее до небес. Голова казалась лёгкая-лёгкая, хотелось постоянно встряхивать волосами, чувствовать их на щеках, видеть, как мелькает шоколадная челка перед глазами. Внутри искрились пузырьки счастья. Она чувствовала себя роскошной современной женщиной, и совсем не женщиной «эконом-класса»

Глава 4. Встреча через 25 лет

Город встретил Нину привычной суетой. Машины сигнализировали на перекрёстках, люди сновали по тротуарам с серьёзными лицами, кто-то говорил по телефону громко и раздражённо. А Нина шла и улыбалась. Она чувствовала себя почти легкомысленной — в новом костюме, с аккуратно уложенными волосами, с пакетами в руках, в которых лежали лёгкие кроссовки для занятия в тренажерном зале.

Она шла по улице, ловя на себе случайные взгляды прохожих. Или ей только казалось? Неважно. Важно было другое: она чувствовала себя новой. Не просто постриженной и приодетой, а обновлённой. Так бывает, когда внутри что-то щёлкает, переключается, и ты понимаешь, что вчерашняя ты и сегодняшняя — немного разные люди.

«А что, если я и правда могу что-то изменить?» — подумала Нина, поглядывая на зеркальные витрины. — «Не только стрижку, а что-то серьёзное. Ну, например... съездить куда-нибудь. На море, что ли махнуть?»

Нина никогда не была на настоящем море. Только на озёрах и на своей речке, во время паводка, когда река разливалась как море. А хотелось настоящего — с солёным ветром, с чайками, с тёплой водой и галечным пляжем. Или дома перестановку сделать. Давно хотела передвинуть шкаф в спальне, поставить туда кресло, чтобы можно было сидеть у окна

и вязать. И шторы сменить — на лёгкие, светлые, как в тех картинках из интернета, которые она иногда разглядывает.

Но тут же в голову полезли другие мысли. Деньги. Вечная тема, которая портила любой полёт фантазии. Нина осталась у витрины обувного магазина, посмотрела на красивые босоножки, мысленно примерила, а потом перевела взгляд на ценник. Шесть тысяч. Львиная часть её зарплаты. А ведь ещё коммуналка, корм для кур и козы, помощь дочке — Маринка, конечно, не просит, но Нина сама подкидывает внуку Мишке на сладости и игрушки.

Тридцать тысяч рублей. Для села — неплохо. Она знала, что многие в Благодатном получают меньше. Но тридцать тысяч — это когда ты выживаешь, а не когда ты живёшь. На её зарплату можно спокойно купить продукты, одеться, заплатить за свет и даже отложить немного «на чёрный день». Но на море — нет. На новые шторы — да, если взять самые простые. На перестановку — ну, тут только своими руками, без дизайнеров.

«Эх, Нина, — вздохнула она про себя, отходя от витрины. — Ты же не избалованная городская штучка. Ты — деревенская баба, у тебя огород есть, своя сметана, яйца, мясо. Чего тебе ещё надо? Не жили богато — нечего и начинать...»

Но внутри сидел этот маленький червячок, который шептал: «А хочется. Просто хочется чего-то красивого. Не для других, для себя».

Она помотала головой, отгоняя тревожные мысли. Впере-

ди было новое, неизведанное — тренажёрный зал. Лечебная физкультура, куда её направила Оксана. И это было важнее, чем любые босоножки. Потому что если не будет здоровья, то и босоножки не понадобятся. Нина посмотрела на часы — до начала занятия оставалось полчаса, и она свернула в нужную сторону, сверяясь с адресом на бумажке, которую дала подруга.

Спортивный комплекс оказался большим и современным. Стеклопакетные двери разъехались перед ней бесшумно, и Нина шагнула в прохладный холл, где пахло хлоркой и чем-то ещё — то ли кофе, то ли резиной. Вокруг сновали люди в спортивной одежде, кто-то с полотенцами, кто-то с бутылками воды. Всё это выглядело так... современно. Так по-городскому. Нина почувствовала себя в своём новом голубом костюме немного чужой на фоне стройных девушек в обтягивающих леггинсах.

Она прошла по коридору, заглядывая в двери. Вот бассейн — прозрачная голубизна воды, дети с надувными кругами, гулкий смех. Вот сауна — из неё вышли две женщины в халатах, раскрасневшиеся и довольные. А вот и зал с тренажёрами.

Нина остановилась у стеклянной стены и замерла. Внутри стояли ряды каких-то сложных машин с блестящими металлическими деталями, зеркала во всю стену, а между ними ходили люди. Накаченные мужчины с огромными плечами, которые казались непропорциональными их головам.

Стройные женщины в обтягивающих костюмах, с плоскими животами и длинными ногами. Они двигались легко и уверенно, как будто родились в этом зале.

Нина почувствовала, как к щекам приливает краска. Она вдруг остро осознала своё тело — тяжёлое, неуклюжее, с больными суставами и одышкой. Её новый спортивный костюм, который ещё час назад казался таким красивым, теперь выглядел нелепо и неуместно. Её руки, которые столько лет таскали вёдра и копали грядки, здесь казались грубыми. А ноги — слишком короткими.

«Что я здесь делаю? — мелькнуло в голове. — Я же как слон в посудной лавке. Сейчас они все на меня посмотрят, и...»

Она уже почти развернулась, чтобы уйти. Почти. Но в этот момент вспомнила лицо Оксаны — настойчивое, заботливое. «Ты же не для них идёшь, дурочка. Для себя». И ещё вспомнила свою боль в спине, которая прошлой ночью не давала уснуть.

Нина глубоко вздохнула и пошла дальше по коридору. Не туда, где тренажёры, а дальше. Туда, где, как сказала Оксана, была группа для ЛФК.

Дверь в зал была приоткрыта, и оттуда доносились спокойные голоса. Нина заглянула внутрь и выдохнула с облегчением — почти с благодарностью.

Здесь было всё иначе. Небольшой зал с ковриками на полу, несколько мячей и палок в углу. А главное — люди. Жен-

щины её возраста, а то и старше, в обычной одежде: кто-то в спортивных штанах, кто-то в домашних трико, кто-то вообще в джинсах. Нина заметила и двоих мужчин — пожилых, с сединой, один опирался на трость. Никто не смотрел на неё с осуждением. Все были заняты собой: разминали шеи, тихо переговаривались, пили воду из простых пластиковых бутылок.

На их фоне Нина в своём нарядном костюме и с укладкой выглядела почти как гостья с праздника. Она даже почувствовала лёгкое удовольствие от этого контраста — сейчас, здесь, она была не хуже, а даже ярче. И это было приятно. Очень приятно.

— Вы Нина? — к ней подошла женщина лет сорока пяти, спортивная, но не «сухая», с добрыми глазами и улыбкой. — Я Кристина, ваш тренер. Оксана мне звонила, рассказывала про вас.

Нина протянула направление, но Кристина даже не стала в него вчитываться.

— Вы не волнуйтесь, я всё знаю. Давайте я покажу, что тут и как, и начнём. У нас сегодня простое занятие.

Нина переобулась в новые кроссовки. В маленькой раздевалке она мельком глянула на себя в зеркало — без косметики, но с новой причёской и в новом костюме. И почему-то стало легче. Здесь не надо быть красивой. Надо быть здоровой.

На занятии Кристина оказалась мягким, но настойчивым

тренером. Она объясняла каждое упражнение, показывала на себе, подходила к каждому и поправляла, если кто-то делал неправильно.

— Нина, вы не горбитесь, плечи расправьте. Представьте, что вас кто-то тянет за макушку вверх. Вот так, молодец.

Упражнения были простыми. Наклоны головы, круговые движения плечами, подъём рук, лёгкая растяжка. Но Нина чувствовала, как мышцы, отвыкшие от такой нагрузки, сопротивляются. Где-то кольнуло, где-то потянуло. Она смотрела по сторонам — другие тоже не идеально повторяли движения. Кто-то кряхтел, кто-то тяжело дышал. Но никто не сдавался.

И это успокаивало. «Я не одна такая», — подумала Нина. — «Мы все тут — с болячками, с возрастом, с желанием дожить до завтра без таблеток. И ничего стыдного в этом нет».

К концу занятия она чувствовала усталость, но какую-то приятную, правильную. В теле появилась лёгкость, хотя руки и ноги немного дрожали.

— Отлично, товарищи! — Кристина похлопала в ладоши. — Все молодцы. Пейте воду, отдыхайте. В следующую субботу встречаемся.

Нина медленно поднялась с коврика, чувствуя, как тянет поясницу, но — странное дело — боль уже была не той, острой. А скорее приятной, почти родной. Она взяла бутылку с водой и вышла в коридор, чтобы немного успокоиться перед долгой дорогой домой.

В коридоре былолюдно. Кто-то бежал к бассейну, кто-то шёл с тренажёров. Нина отошла к стене, чтобы её не задели, и в этот момент услышала голос:

— Нина? Ты ли это?

Она обернулась. Перед ней стоял мужчина. Полноватый, с заметной лысиной, с седыми висками, в простой футболке и шортах. Он тяжело дышал — видимо, только что вышел из тренажёрного зала. И улыбался. Широко, радостно, по-детски.

Нина смотрела на него и не узнавала. Ну, откуда ей знать этого дядьку с животиком? Она перебрала в голове всех знакомых — никого. Но глаза... Глаза были странно знакомыми. Весёлые, с морщинками в уголках, с каким-то озорным блеском. Она точно где-то их видела.

— Эх, — мужчина развёл руки в стороны. — Не узнаёшь? А я бы тебя за версту узнал, хоть ты и похорошела.

Он говорил так, будто знал её сто лет. И голос... Вот тут что-то щёлкнуло. Голос она узнала сразу. Такой чуть хрипловатый, с лёгкой смешинкой.

— Коля? — выдохнула Нина. — Коля Светлов?

— В точку! — мужчина хлопнул себя по колену. — Узнала! А то я уже испугался, думал, зря подошёл.

Нина смотрела на него и не верила. Перед ней стоял тот самый Коля, с которым они встречались больше двадцати пяти лет назад. Тогда он был худым, высоким, застенчивым парнем, с вечно сбитой чёлкой и смущённым взглядом. Они

познакомились в институте. Нина училась на литфаке, а он на физмате. На третьем курсе у них был вечер встречи между факультетами. Коля тогда сразу её приметил и ходил за ней хвостиком. И она, считавшая себя писаной красавицей, благосклонно разрешала ему ухаживать за собой.

Они встречались почти год. Он водил её в кино в районный центр, дарил цветы и даже звал замуж. Серьёзно звал, с букетом и на коленях. Но Нина тогда выбрала Алексея — тот был старше, солиднее, уже с домом в Благодатном. Ей казалось, что Коля — мальчишка, а Алексей — мужчина.

А теперь перед ней стоял взрослый мужчина, почти пятьдесят, солидный и обстоятельный. И этот смешной животик, и седина, и залысины — всё это было так неожиданно, что Нина растерялась.

— Ты изменился, — сказала она и улыбнулась. — Я тебя не сразу узнала.

— Изменился, да, — Коля потер свой живот. — Вот, трудовую мозоль наел. — он рассмеялся — А ты — совсем не изменилась. Такая же сияющая. Ну, может, чуть повзрослела. Но от этого только краше.

Нина смутилась и отвела взгляд. Приятно было слышать такие слова. Особенно когда ты только что вышла из ЛФК, с красным лицом и вспотевшая.

— Ты в городе живёшь? — спросила она.

— Ага. Квартира от родителей осталась. А работаю с железками — компьютеры ремонтирую. Не смог учителем, де-

ти современные, сама знаешь какие. — Он наклонил голову, с улыбкой глядя ей в глаза — А ты как? В Благодатном?

— А где же еще? — кивнула Нина. — Никуда и не уезжала.

— И не надо, — Коля посмотрел на неё с теплотой. — Хорошее место. Я помню вашу природу. Березы, сосны, озёра... Может, когда-нибудь навещу?

Нина не знала, что сказать. Сердце почему-то забилось быстрее. Она смотрела на Колю и вспоминала их встречи — как он ждал её у клуба с букетом, как они гуляли до рассвета, как он шептал: «Выйдешь за меня?». И как она тогда сказала: «Нет, Коля, прости». Тогда она не чувствовала вины. А теперь, глядя на него, она вдруг подумала: «А что, если бы я выбрала его? Как бы сейчас всё сложилось?»

— Давай обменяемся телефонами, — вдруг сказал Коля, доставая смартфон. — Вдруг когда встретимся ещё. Или просто поговорить. Если хочешь, конечно.

— Хочу, — Нина ответила быстрее, чем ожидала, и ей стало немного неловко. Но Коля уже открыл экран, и она назвала свой номер.

Когда они разошлись — Коля в сторону тренажёров, Нина — в раздевалку — она чувствовала себя немного странно. Как будто только что сделала шаг с обрыва, но не упала, а полетела.

Она зашла в раздевалку, села на лавочку, посмотрела на телефон. Номер Коли уже был у неё в контактах. Она по-

смотрела на его имя и улыбнулась. «Ничего себе, — подумала она. — Встреча через двадцать пять лет. И как он меня узнал? Я ж так изменилась... Или правда — не изменилась?»

Мысли путались, но настроение было приподнятым. Она поправила волосы и уже не чувствовала себя чужой в этом спорткомплексе. Она вообще чувствовала себя почти счастливой.

Когда она выходила из спорткомплекса, телефон пикинул. Новое сообщение. Нина открыла — и улыбнулась: «Нина, это Коля. Спасибо за встречу. Приятно было увидеть тебя. Если захочешь — пиши. Я буду рад пообщаться».

Она хотела ответить сразу, но потом решила: «Домой приеду, чаю попью, тогда и отвечу. Не надо быть слишком доступной». Она сама не знала, зачем так решила. Игра какая-то. Но улыбка не сходила с её лица, и в автобусе, и на остановке, и когда она садилась на маршрутку до Благодатного.

«Вот это поворот, — думала она, глядя на проплывающие за окном поля и перелески. — А Оксанка как чувствовала, отправила меня на ЛФК. Может, и правда — судьба?»

И хотя Нина считала себя прагматичной женщиной без розовых очков, в этот вечер она позволила себе просто помечтать. О том, что старость — не про неё. О том, что жизнь на сорок седьмом году только начинается. О том, что, возможно, Благодатное не навсегда. Или навсегда. Но уже не одна.

Глава 5. Люди тонут, а вы веселитесь

Нина проснулась от привычного уже «блям» — сообщение от Николая. Сначала сквозь сон она нахмурилась: ну что за напасть, кто в такую рань пишет... А потом вспомнила, и улыбка сама собой расплылась по лицу.

Это было так непривычно и приятно — ведь она совсем забыла, как это: просыпаться и знать, что тебе кто-то напишет. Не по работе, не с вопросом «когда выйдете», а просто так. Чтобы пожелать доброго утра и поднять настроение.

Они переписывались уже неделю. Каждое утро Коля присылал ей какое-нибудь смешное и необычное послание. Не банальное «С добрым утром», а целые маленькие спектакли: то стихи, то забавные истории про его «железки», то фотографии из интернета с подписью «это я в молодости, узнаёшь?». И каждый раз Нина задерживала дыхание, открывая его сообщения.

Она с наслаждением потянулась в постели, чувствуя каждую жилочку, каждую клеточку тела. Солнечный луч пробивался сквозь шторы, оставляя на стене золотистую дорожку. Пахло утром, свежестью, и чем-то ещё — чем-то сладким и тёплым. Нина ещё не знала, что именно, но внутри разливалось это странное предвкушение. Будто кто-то поставил на

паузу её привычную жизнь и сказал: «А теперь — смотри и радуйся».

Она перевернулась на бок, прижала телефон к груди, словно хотела согреть его своим теплом, и только потом открыла сообщение.

*«Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля!»*

Дальше — вторая строчка, уже от Коли: «Доброе утро, красавица! Как вам сегодня спалось-почивалось?»

Нина засмеялась вслух. Эх, Коля! Теперь он, оказывается, и стихи помнит. Раньше он был застенчивым и немногословным, краснел, когда она брала его за руку. А теперь — просто дамский угодник, за словом в карман не лезет. «Советская земля»! Не каждому мужчине в голову придёт такое откопать из памяти. А ему — пришло.

И это было здорово.

Нина сама была болтушка-хохотушка, её всегда тянуло к таким же общительным людям. Бывший муж, напротив, был немногословным и серьёзным. Его раздражала её вечная весёлость, её постоянное желание поговорить обо всём и ни о чём. Он качал головой: «Никакой серьёзности в тебе, Нина, как девчонка малая». А сейчас с Колей Нина чувствовала, что встретила родственную душу.

Они ведь были людьми одной эпохи. Родились в конце

семидесятых, носили октябрятские звёздочки, стояли на линейках с пионерскими галстуками. Их детство пахло чернилами и булочками из школьной столовой, они знали наизусть песни из мультфильмов и могли цитировать «Бриллиантовую руку» с любого места. И это послание от Коли — с «Советской землёй» — было как возвращение в детство. Как будто время повернуло вспять, и они снова стоят на школьном дворе, ещё ничего не знают о боли и потерях, а впереди — целая жизнь.

Нина ещё немного полежала, ощущая утреннюю негу. Солнце уже всю грело, кошка Серафима устроилась у неё на ногах и мурлыкала. Тишина. Только птицы за окном. И это чувство — будто что-то важное вот-вот случится.

Она взяла телефон и набрала ответ. Медленно, смакуя каждое слово:

«Доброе утро, сударь! Почивалось бы мне хорошо, если бы кошка не выбрала мой живот в качестве батута. На вашей „Советской земле“ прямо сейчас идёт заседание местного совета — я, Серафима и воробей на подоконнике. Решаем, чья очередь сегодня завтрак готовить».

Отправила и замерла. Телефон в руке потеплел, словно живой.

Ответ пришёл через минуту. Коля набирал быстро, явно уже проснулся и ждал её.

«Значит, так: партийный совет пришёл к выводу, что завтрак должен быть щедрым. Ибо народ требует. А если народ

требует, то лучше не спорить. У меня тут бутерброды с колбасой и чай. А у вас, сударыня, что в меню?»

Нина фыркнула от смеха, чуть не разбудив Серафиму.

«У нас, сударь, меню скромное: творог со сметаной, яйца и свежий укроп — первый с грядки, горжусь! А ещё я хочу признаться: я уже неделю улыбаюсь, когда встаю. И это всё вы. Спасибо вам за знакомые стихи. Вы не представляете, как я жду этих „блям“ по утрам».

Отправила и сразу испугалась: слишком искренне, слишком честно. Нельзя же так, ещё не время. Они же просто друзья. Просто общаются.

Но ответ Коли пришёл мгновенно.

«Нина, ты даже не представляешь, как я сам жду, когда смогу написать тебе. Это единственное, ради чего я просыпаюсь каждое утро. И если честно, я уже не помню, когда мне было так хорошо. Не думай ничего, но мне кажется, что моя жизнь началась с того дня в спорткомплексе. А ты — ты просто изменила её. Спасибо тебе. И разрешите мне, сударыня, сегодня вечером позвонить вам и услышать ваш голос?»

Нина закрыла глаза и выдохнула. Где-то в груди разливалось тепло, такое сильное, что казалось, будто она сейчас воспарит над кроватью. Она не знала, что это — любовь или просто радость от того, что её заметили. Но одно она знала точно: впервые за долгие годы она чувствовала себя живой.

«Позвони, — ответила она. — Обязательно позвони. Я буду ждать».

И в этот момент Солнце пробилось сквозь шторы, осветило её лицо, и Нина поняла: она счастлива.

Нина собиралась на работу, и, как бы она не была счастлива в эти дни, но душа была не на месте — в село пришла большая вода, соседние деревни затопило паводком. Их небольшая речушка, всегда тихая и спокойная в эту весну поднялась до небывалой высоты. Снега зимой было много, вот и поднялся уровень реки.

И на работу идти не хотелось, не до веселья сейчас, не до чужих людей, а куда деваться, если работа с людьми связана.

С началом паводка мероприятий у социального работника прибавилось — помимо основных ежедневных обходов добавился детский развлекательный клуб типа школьной продленки. В их селе в школе был организован пункт временного пребывания для эвакуированных, среди них были и дети, которых нужно было как-то развлекать. Вот и приходилось проводить игровые программы, дискотеки и другие развлечения. Да и в школу Нина с коллегами ходили, пели песни для эвакуированных, проводили викторины, организовывали настольные игры.

Нина вспомнила, как дед рассказывал, что когда он на войне был, то его как талисман в разные отряды приглашали, поднять боевой дух солдат. Он гармонистом был и песен много знал. Голосище у него был звонкий, задорный. И было у него одно правило — петь только радостные песни пе-

ред боем. Кто-то скажет, что вроде война — не место для веселья. Но дед всегда говорил, что горю поддаваться не надо. Жить надо, пока живется. Дух сильнее плоти. А ослабнет дух, и тело сломается.

Так и тут — не война, а наводнение. Но людям тоже моральная поддержка нужна.

Больше всего среди эвакуированных было людей старшего возраста, одиноких стариков, у которых не нашлось никаких родственников на «большой земле». Им было тяжелее всего — ведь они бросили родные дома, которые сами строили, в которых прожили всю жизнь. И теперь неизвестно, когда они вернутся домой и в каком состоянии будут эти дома. Обещали выплаты за подтопленные дома, только сколько этих выплат будет, никто не знает.

Но старики старались не унывать, подбадривали друг друга и с благодарностью принимали Нину и работников ДК с такими мини-концертами.

У здания школы Нину встретила Алла — культорганизатор Дома культуры в Благодатном. Она была невысокой, круглой как колобок, но такой энергичной и шустрой, что никто и не замечал её полноты. С Ниной они дружили с раннего детства. А еще Алла была такой же неугомонной и жизнерадостной, что и Нина, и многие их считали сёстрами.

— О! Привет, Нинель! — издалека помахала рукой Алла — Готова сегодня в пасть к крокодилам?

— Привет! А куда деваться? Крокодилов немного, мы их

скоро приручим. А остальные мирные жители.

Они рассмеялись, но в здание школы заходить не торопились. Дело в том, что среди эвакуированных нашлись пара бабулек, которые были вечно всем недовольны. Они ходили и ворчали, что их плохо кормят, что спать невозможно ночью, потому что кто-то храпел, что пока они тут сидят вап-перти, их дома разворуют. И от них каждый раз Нина слышала ругань, мол «Люди тонут, а вы тут веселитесь! Лучше бы шли дамбу строить. Песни они тут поют. Чё веселитесь? Горе у людей. Тьфу, совести у вас нет!»

Нине было обидно до слез слышать эти слова. Как будто ей легко дается это веселье? Она ведь тоже не железная, людей жалко, скотину жалко, но работа есть работа.

Она понимала, что это просто такие злые люди, и они всем настроение портят, по-другому они не умеют. Но с начала паводка нервы были ни к черту, и нет-нет да мелькнет мысль, а вдруг бабульки правы. Может не песни надо петь, а идти помогать выкладывать насыпную дамбу? Или на свои деньги покупать вещи для пострадавших.

Вот только здоровье Нине не позволяло таскать мешки с песком, а денег хватало на жизнь впритык от зарплаты до зарплаты. Снять бы последнюю рубашку, так ведь и сама по миру пойдешь.

Алла, видя неуверенность в лице подруги, постаралась её приободрить.

— Да не слушай ты этих змеюк, Нинка. Всем тяжело, а

эти еще и не сдерживаются. Что у них внутри, то и выплескивается наружу. А для них еще и свободные уши нашлись, вот и отрываются, выплескивают свой яд.

— Я-то понимаю, но всё равно неприятно. Слышала, что тут от них все вешаются, и родные от них давно уже сбежали, а мы вот под руку подвернулись.

— Так, подруга, соберись! Понимаю, что ты все близко к сердцу принимаешь, но таких слушать не надо. Ты лучше смотри, как другие люди оживают, глядя на нас, как они нам подпевают. Это же счастье, что мы можем людям поднять душевный настрой, они от мыслей тяжелых отвлекаются, глядя на нас.

И они поднялись по высоким ступенькам школы, где их уже ждали ребятишки и бабульки. Благодарные и не очень...

На удивление сегодня в фойе школы собрались все эвакуированные. В первом ряду ребятишки и старики, которые всегда с радостью ждали прихода артистов. На втором ряду сидели те самые «крокодилы», но сегодня они помалкивали. Наверное, тоже уже со скуки тут маются и рады любым гостям.

Алла с волонтерами сначала устроила небольшой концерт. Пели всем знакомые песни: «Катюшу», «Поручку». Бабушки подпевали, притопывая в такт. Несмотря на тревогу, люди старались верить в лучшее. А задача Нины и Аллы как раз и состояла в том, чтобы поддержать моральный дух

людей.

После концерта Нина проводила мастер-класс по украшению пасхальных открыток. Светлый праздник был не за горами, и люди с удовольствием раскрашивали открытки в виде яиц, клеили на них алмазную мозаику.

За соседним столом Алла учила детей шить мягкие игрушки. Она перекачивалась колобком от одного ребенка к другому, смеялась, и все, кто смотрел на неё, не мог сдержать улыбку.

Нина смотрела на подругу и думала — вот человек на своём месте! Как бы не трепала судьба Аллу, где бы она ни работала, а она осталась такой же жизнерадостной, как в детстве.

Алла всегда отличалась особой шилопопостью. Младшенькая в семье — мать родила ее в сорок, когда старшие дети уже школу закончили. И, конечно, залюбленная до невозможности. Алле всё всегда разрешали, всё прощали и баловали. Поэтому выросла она... В общем, что выросло, то выросло.

Учиться Алка не любила, а любила быть в центре внимания. Она старалась участвовать во всех школьных мероприятиях и кружках. Как в том стихотворении «Драмкружок, кружок по фото, хор кружок — мне петь охота». Ни на чём долго не останавливаясь, она переходила с кружка на кружок. «Попрыгунья» — называли ее учителя.

Несмотря на своё непостоянство, школу Алла окончила неплохо. Не отличница, но троек в аттестате не было, что

позволило ей даже поступить в провинциальный институт культуры. Кулёк, как называли его студенты. «Ума нет — иди в пед. Стида нет — иди в мед. Ни того ни другого нет — иди в культпросвет» — ходила в народе тогда студенческая шутка. Так и было, в Кулёк шли учиться такие же шилопопые, как Алла, которым чем бы ни заниматься, лишь бы не работать.

В Кульке Алла нашла себя — она пела и плясала, изучала актерское мастерство и режиссуру. Правда, все верхами, потому что Алла сразу знала, что ее и с синим дипломом возьмут в родной ДК.

Алла едва успела закончить Кулёк, как ее пригласили работать в сельский ДК в Благодатном. Ну, она и пошла. А чего мудрить, раз работа по ней? Пришла она на место старой худручки Мариванны, которая только и ждала дня, чтобы уйти на пенсию. Мариванна пророчила своё место Алле еще лет пятнадцать назад, когда шилопопая девчушка приходила к ней на кружок пения. В общем, все сложилось идеально.

Долгих двадцать лет проработала Алла в родном ДК. На своей шкуре прочувствовала смену двух эпох, оптимизацию, компьютеризацию.

В первые годы она на крыльях летела на работу, потому что там она дарила радость людям: детям, пенсионерам и даже вредным подросткам. Она проводила дискотеки, вела кружки, хор и кукольный театр. Устраивала уличные гуляния на Масленицу, Новый год, на День села. Жизнь казалась

ей ярким карнавалом.

Между праздниками она умудрилась выйти замуж, родить двоих детей и держать большой двор скотины. А как еще в деревне? На одной зарплате ноги протянешь.

И на все ведь хватало сил и энергии! Шило в попе не давало скучать и киснуть. Всякое было, но всё можно было пережить, если не унывать и не опускать руки.

Но постепенно из Аллы капля за каплей стали утекать силы и задор. Поначалу творческую часть работы в ДК заменили на бессмысленные отчеты. Скрепя сердце она чахла над компьютером, заполняя бланки отчетов, подбивая мониторинги и планы.

Из деревни поразъехалась молодежь, и сначала стали не нужны дискотеки, потом детские кружки не для кого стало проводить, а потом и на уличные праздники собирались три калеки. Грустно стало в родном ДК.

Затем подножку подставил муж-объелся груш. Уехал на север на заработки, да так там и остался.

Дети выросли и разлетелись. Не нужен стал полный двор скотины, да и одной бабе тяжело коров держать. Ну, и к лешему, хоть в чем-то облегчение.

Старенькая мама умерла в 85. И осталась Алла одна. И так ей тошно стало! В голове по кругу ходили одни и те же невеселые мысли: «Жизнь прожила и не видела ничего кроме своего клуба в деревне. И что, так теперь доживать? Смотреть, как все, что было дорого, исчезает, рушится, уходит.

А может плюнуть на все, да поменять свою жизнь! Есть ведь еще порох в пороховницах! Что, я лучшей доли не найду себе? Сорок пять — баба ягодка опять! Может, еще и замуж выйду»

И снова забурила кровь, закололо шило в попе!

Не откладывая в долгий ящик, Алла написала заявление на увольнение и, не слушая причитания начальство ухнула как в омут с головой. Обзвонила подруг, мол, помогите начать новую жизнь и найти работу. Одна тут же позвала ее к себе, то есть в наши Российские железные дороги на должность проводницы.

Через пару недель, прослушав экстренный курс подготовки проводниц и кучу ценных советов от подруги, Алла под мерный перестук поезда катила по родной стране. «Хоть мир посмотрю, а то в своей деревне просидела всю жизнь, только разок на море и съездила» — думала она.

Через месяц Алла поняла, что мир она не увидит, а вот последние нервы и здоровье на этой работе угробит. Она, конечно, привыкла что в своём ДК она и швец, и жнец и на дуде игрец, но не ожидала, что проводница — это официант, тут же продавец, психолог (это прям обязательно), уборщик, ну и инженер тоже, чтобы понимать техническую систему вагона и вовремя доложить о неполадках начальнику поезда.

Зарплата хорошая, но большая ее половина — это премия, а она зависит от продажи лотерейных билетов, которые почти никто из пассажиров не берёт. А также от продажи чая

и остальных продуктов. А продавцом Алла быть не умела. Ещё и ревизоры с удовольствием премию урезали, придираясь к чистоте состава и количеству полотенец, постельного белья, стаканов и так далее, которые тащили пассажиры.

В должности проводницы поезда Алла выдержала четыре месяца. Мир не повидала, денег не скопила, зато заработала незабываемый опыт и нервный тик.

Подгадала последнюю поездку в сторону Краснодарского края и осела в Геленджике. Как раз еще одна подруга предложила отличную работу — горничной в шикарный отель «Премьер».

«Ну, а что, горничные тоже люди! И зарплата очень даже отличная. И море рядом» — думала Алла, приступая к новой работе.

Втянулась в работу она быстро, все-таки женщина деревенская, трудиться руками не боится. Правда приходилось видеть то, что никто бы не хотел видеть, и отмывать то, что никто бы не хотел отмывать, но при этом всегда «держат себя в руках» и не выходят за рамки работы. Но и это можно пережить. Обидно было, что из зарплаты постоянно вычитали за воровство гостей. А вы ведь знаете, что у некоторых людей мелкое воровство — это определенный вид спорта. Полотенца, мыло, постельное белье и тапочки — к этому уже привыкли. Из одного номера парочка умудрилась украсть настольную лампу, картину и даже пульт от телевизора. А все это возмещать должен персонал, который не углядел за

гостями.

Да даже не вычеты из зарплаты огорчали Аллу. Неприятным было отношение людей к ней. И гостей и персонала. Для них она была в лучшем случае невидимкой, а чаще всего девочкой для битья. Орали, унижали, обвиняли в воровстве. Не все, но многие. И через пару месяцев Алла уволилась. Всех денег не заработаешь, а уважение к самой себе потеряешь.

Случилось это как раз под Новый год. Время, когда нужно подводить итоги. А что дальше? Вот она кардинально изменила жизнь, а счастливой не стала. И если подумать, не так уж ей плохо было в родном селе, в любимом ДК. Да, все не такое, как было двадцать лет назад, а кому сейчас легко?

Новогоднюю ночь Алла думала, что же ей делать дальше. Сидела одна в своей съемной комнатухе в обнимку с бутылкой шампанского.

Под утро дрожащими руками она набрала номер бывшей начальницы. И, услышав слова Татьяны Михалны, выдохнула с облегчением.

— Здравствуй, Аллочка! С Новым годом тебя! Как ты там? Мы соскучились. Может, вернешься к нам? Местечко твоё мы держим...

В тот год празднование Масленицы в селе Благодатное было самым ярким и за последние пятнадцать лет. Вот, что значит, человек на своём месте!

Глава 6 Пробуждение

Апрельские будни текли своим чередом. Вода потихоньку отступала, в подтопленных деревнях люди возвращались в дома, отмывали, сушили, подсчитывали убытки. Нина каждый день навещала своих подопечных, развозила гуманитарную помощь, заполняла бесконечные отчёты. Голова болела от работы, спина ныла к вечеру, но внутри жило это тёплое, щекочущее чувство, которое она боялась называть вслух.

Переписка с Колей стала её маленьким ритуалом, без которого день казался неполным. Каждое утро — «блям» от Николая. Каждый вечер — их долгие разговоры по телефону, когда за окном темнело, а на деревню опускалась такая тишина, что слышно было, как дышит земля.

— Ты знаешь, Нин, — говорил Коля своим хрипловатым, чуть насмешливым голосом, — я вот сижу и думаю: почему мы двадцать пять лет не встречались? Где ты была всё это время?

— Замужем была, Коль. Работала, — смеялась Нина. — Огород копала. Дочку растила. Жизнь, знаешь, такая штука — она не ждёт.

— А сейчас что думаешь?

— А сейчас... — Нина замолкала, подбирая слова. — Сейчас, кажется, начинается что-то новое.

Они могли говорить часами. Коля рассказывал про свои

«железки» — как чинил старый компьютер одной пенсионерке, как собирал системник для соседского мальчика, как заказчики иногда приносили ему в ремонт такие древние модели, что он сам удивлялся. Нина слушала и улыбалась в трубку, потому что он говорил об этом так увлечённо, будто речь шла о чём-то невероятно важном. И эта работа действительно была важной для него, как и бабушки для Нины.

— Знаешь, — сказал он как-то вечером, — а я ведь и не думал, что снова смогу так разговаривать с женщиной. Просто разговаривать. Без нервов, без напряжения. Как в молодости.

— А я и не думала, что мне это будет так нужно, — призналась Нина. — Я ведь уже привыкла, что я одна. Что вокруг только работа, дом, огород. А ты пришёл — и всё перевернул.

— Ничего я не перевернул, — тихо сказал Коля. — Просто судьба столкнула нас вновь. И я вспомнил, что тебя когда-то любил.

Нина замерла. Сердце пропустило удар, потом забилось быстрее. Она не знала, что ответить. Сказать, что тоже? Но это же слишком рано, слишком серьёзно. Они встретились всего неделю назад.

— Коля, — выдохнула она. — Мы же старые знакомые. Не торопись.

— Хорошо, — легко согласился он. — Не буду. Но знай: я ждал этого разговора четверть века. Я ещё немного потерп-

лю.

И они снова переходили на шутки, на лёгкий флирт, на обсуждение того, что сегодня на ужин и какая погода завтра. Но в голосе Коли иногда проскальзывала эта серьёзная, но мальчишеская нотка, и Нина чувствовала — он не играет. Он говорит правду. И от этого на душе становилось тепло и немного страшно.

Суббота наступила неожиданно быстро. Нина проснулась затемно, хотя в окно уже пробивался серый утренний свет. Сердце колотилось так, будто она собиралась не на занятие ЛФК, а на собственную казнь. Или на свадьбу. Она сама не знала, что хуже.

Вчера Коля позвонил и сказал:

— Завтра после твоего ЛФК я приглашаю тебя в кафе. Обещаю, там вкусный кофе и очень милые кексы. Если ты, конечно, захочешь.

— Захочу, — выдохнула Нина. — Очень захочу.

— Тогда решено.

И теперь она стояла перед открытым шкафом и с ужасом перебирала вещи. Голубой костюм — слишком спортивный, не для кафе. Старое платье — уже выцвело, да и фасон устарел. Джинсы и блузка — слишком буднично.

— Господи, — простонала Нина, падая на кровать. — У меня, правда, нечего надеть. Абсолютно нечего.

Серафима, дремавшая на подоконнике, приоткрыла один

глаз и равнодушно отвернулась. Мол, твои проблемы, хозяйка.

Нина взяла телефон, хотела написать Алле, но потом передумала. Вдруг та будет смеяться? Или, что ещё хуже, пытывать, для чего такой наряд. А если она скажет, что это свидание? Она же засмеёт её: «Нина Витальевна, наша пай-девочка, на свидание собралась!»

Но выбора не было. Сама она никогда не умела выбирать одежду, а уж тем более — для свидания. Свидания! Ей сорок семь лет, а она волнуется, как девчонка.

Нина набрала Аллу.

— Привет, это я. Ты занята?

— Для тебя — всегда свободна, — бодро ответила подруга. — А что у тебя случилось? Голос какой-то... нервный.

— Мне нужно в город, — выпалила Нина. — И... мне нечего надеть.

Алла замолчала на секунду, потом захохотала так громко, что Нина отодвинула телефон от уха.

— Так! Подруга! Я сейчас всё поняла! — закричала она. — Ты на свидание едешь, да? Да? Колись!

— Алька, ну перестань...

— Я всё знаю! Я же вижу, как ты светишься последнюю неделю. И телефон у тебя из рук не выходит. Так, жди. Я сейчас к тебе приду. Что-нибудь придумаем.

Через десять минут Алла ворвалась в Нинин дом, как ураган.

— Показывай, — скомандовала она, скидывая ботинки у порога. — Что у тебя есть?

Нина открыла шкаф и сделала шаг назад, словно приглашая Аллу в музей. Та деловито прошлась по рядам вещей, шурша плечиками, нахмурилась, что-то бормотала под нос.

— Так, это не годится. Это тоже. Это — ну если только на прополку в огород. А это? — она вытащила белое платье с чёрным горошком, висевшее в самом углу. — Слушай, а это что за красота? Я у тебя такое не видела.

— Маринка подарила, — вздохнула Нина. — Года три назад. Я так ни разу и не надела. Размер великоват, да и... куда мне в таком?

Алла развернула платье и присвистнула. Оно было простым, свободного кроя, с летящей юбкой и большим белым бантом у горловины. Белый фон, чёрный горошек, лёгкая ткань, которая струилась в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.